

SOCIOLOGY

Arpentieva M.R.

PHENOMENOLOGY AND TYPOLOGY OF DIGITAL NOMADISM

Arpentieva M.R., Russian Federation, professor of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, grand doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted to analysis of peculiarities of the identity of the subjects, practicing of digital nomadism, their positive and negative aspects in the formation and development of personality and its relations with other people. The research methodology is based on the representation of the multicultural approach, its achievements in the study of interaction and human development in multicultural communities. The author emphasizes that one of the important aspects of digital nomadism is a phenomenon of "loss of roots", a rupture or destruction of the social identity in the refusal of the spiritual and moral values of their culture and humanity, the desire for freedom as the comfort and security that the release from hard work and responsibilities. These aspirations form a special attitude towards themselves and the world, personal identity of the nomads and their relations with other people. As a result of theoretical and empirical analysis of studies of nomadism, the author identifies some of the main types of digital nomads, with peculiarities of personal identity and personal identity. The first type of people is "man of the universe" or of integrated type, whose identity is positive, holistic, and kept contact with their native culture, race and family, is able to establish and develop long-term relationships with the representatives of the private and foreign cultures. The second type of people practicing digital nomadism as a way to get away from solving personal and social problems, while avoiding forming long-term relationships with people, maintaining and supporting communication only with a few close people – family members and friends. The third type of people is "scrappy type" whose identity is "a man without roots" fragmented and negative, man is incapable of building strong and deep relations with people,

the people around him in the place of residence or with those who represent his native culture. The leading modes of structuring the consciousness "of digital nomad are freedom and dependence, closeness and alienation, work and leisure, novelty and familiarity, development and stagnation.

Keywords: digital nomadism; nomad; identity; intimacy; alienation; multiculturalism; freedom; dependence.

Введение. Один из новых феноменов медиатизации мира – феномен цифрового кочевничества (цифрового кочевничества, digital nomad) – возникновение группы людей, которая ведёт «мобильный образ жизни», постоянно меняя места проживания, а также использует цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей (как «чемоданный антрепренер», suitcase entrepreneur) и решения иных вопросов, становится в современном мире все более популярным и привлекает внимание не только практиков, но и теоретиков [7; 8; 27; 28; 29; 32; 33, p. 309, 391; 37; 38]. Такой образ жизни весьма характерен для журналистов, путешественников, бизнесменов, иногда – студентов. Ведущим феноменом исследований цифрового кочевничества с точки зрения социальной психологии является феномен идентичности как системы более или менее осознанных переживаний себя тождественным себе и принадлежащим той или иной группе, исторически непрерывным и пространственно целостным, понимании своей тождественности самому себе (личностная идентичность) и определенной части мира (социальная идентичность) как тождества и осознания непрерывности своего существования во времени и пространстве. Иметь идентичность предполагает ощущать себя более или менее независимым и постоянным в конкретной ситуации; переживать связь собственной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; понимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое, строить жизненные планы, опираясь на прошлое и осмысляя настоящее. Идентичность, таким образом, предполагает отличительность как уникальность и непохожесть, континуальность как непрерывность и целостность, принадлежность как включенность (близость) и «репутацию» – подтвержденность (признание бытия – внимание, признание важности – уважение и признание-принятие) другими людьми. Неподтвержденность – идентичности и человека в целом (непризнание бытия – игнорирование, отрицание значимости – небрежение и неприятие – отвержение) – одна из ведущих проблем миграций и иных социально-психологических и имеющих социально-психологические последствия кризисов и коллапсов (войн, катастроф, терминально (смертельно) опасных заболеваний и инвалидности, разлуки и смертей близких и т.д.). Выстраивая типологию цифровых кочевников, необходимо, на наш взгляд, обратиться к осмыслению особенности их личностной идентичности, особенностям

отношений к себе как личности, индивиду, и социальной идентичности, отраженной в особенностях отношений, который кочевники строят с другими людьми

Методология исследования. Методология исследования опирается на представления мультикультурного подхода, его достижения в сфере изучения взаимодействия и развития людей в мультикультурных сообществах. Ведущими понятиями работы являются понятия «тип цифрового кочевника», «личностная идентичность», «межличностные отношения». Каждый тип цифрового кочевника соотнесен с определенными особенностями личностной идентичности и социальной идентичности (отношений с другими людьми). Они отражают меру принятия и понимания человеком себя и мира: гармоничность отношения к себе самому и отношений к другим людям, в том числе, в контексте мультикультурных отношений.

В основании исследования заложена идея о том, что современные цивилизованные сообщества являются в подавляющем числе случаев мультикультурными. Это создает, с одной стороны, иллюзию легкости перехода от одной культуры другой, а, с другой стороны, постоянно существующие противоречия и дисгармонии личностной и социальной идентичности. Наиболее явно эти дисгармонии обнаруживаются в сфере межличностных отношений кочевников (их социальной идентичности) и «закрепляются» в идентичности личностной.

Материалы исследования

Теоретический анализ проблемы показывает, то прибывающий в постоянном движении цифровой кочевник как «гражданин мира» или «человек без корней» – одна из загадок и, в тоже время, реалий современного мира [39]. Дж. Питерс пишет, что цифровой кочевник не понимает «мечты о родине», так как, будучи мобильным и, используя, цифровые технологии, может находиться в любом месте, хотя и прибегая к «кочевой близости» (поддерживая и предпочитая отношения со «старыми» знакомыми вопреки декларациям «любви к новизне» и т.д.) [33; 36]. Другие исследователи отмечают, что цифровой кочевник ищет и находит свои собственные ответы на важнейшие вопросы жизни: прекращая «крысиные бега» замкнутых пространств, они заново открывают себя и мир. Кочевники – продолжатели и последователи идеи повседневного удовольствия и счастья («fun»), сложившейся у поколения «цифровых аборигенов». Это люди, живущие под множеством «флагов»: как описывает этот процесс теория семи флагов Н. Сиссон («six flag theory»), множественность идентификаций помогает кочевникам интернационализировать и тем самым, обогатить все аспекты их жизни, повысить качество жизни, сочетая минимализм и «жизнь по своим правилам» («live life on your own terms»), достигая идеала, в том числе –

идеала свободы (create your ideal lifestyle) и гармонии [8; 29; 31; 32; 33; 38].

Один из близких кочевником феноменов – феномен фриланса, в том числе, как удаленной работы и/или самозанятости (прекаризации) [4; 15; 17; 18; 35]. Самозанятость «...представляет собой не только форму хозяйственной деятельности, но и определенную культуру и форму организации жизнедеятельности, основанные на ценностях личной и трудовой автономии и независимости» [12]. Особый тип фриланса – феномен «электронной самозанятости» профессионалов, преимущественно работающих удаленно [15; 17; 29; 31], активно развивающийся с конца XX века. Рынки трудовой занятости для фрилансеров постоянно растут и аккумулируют весьма значительный человеческий и социальный капитал, разрушая изоляцию культур и людей и усиливая их взаимную связь.

Номады, как кажется, стремятся к личной свободе, однако, это стремление может быть как стремлением «от» (игнорирования и отрицания), так и стремлением «против» (отрицания и противопоставления). Это может быть и стремление к свободе «для» (автономности и интеграции). Ведущей идеей «цифровых кочевников», при этом, часто является стремление достижения и поддержания социально-статусного и психофизиологического благополучия, в том числе свободы и разнообразия, постижения себя и мира с разных сторон. Однако, она далеко не всегда связана с внутренним, духовно-нравственным благополучием окружающих. Убегая от одиночества, «непонятости», «несвободы», однообразия и т.д. не разрешая стоящих перед ним и его семьей, родом или всем народом проблем, человек может попасть в еще худшее, чем было, положение: серии конфликтов и претензий, в том числе, претензий собственной значимости /важности и силы, собственной неповторимости /уникальности, а также собственной востребованности /любви окружающих. Все это формирует его маргинальную, расщепленную или лоскутную, гибридную личностную и социальную идентичность [22]. Как типичный мигрант в мире мультикультурных сообществ, кочевник нередко практически полностью утрачивая связь с «корнями» и ассимилируясь там, где живет постольку, поскольку основная часть его жизни протекает в мире виртуальных коммуникаций. Не случайна потребительская позиция многих «кочевников», разделяющих и пропагандирующих идеалы компрадорской буржуазии: если у человека нет дома, то ему, как и лицу БОМЖ, нечего не только бояться потерять, но и хочется потерять все что можно в попытке доказать свою способность «справляться», быть быстрым, жить без других, уникальность как независимость и силу. Однако, иногда речь идет о том, что формируется транс-идентичность «человека вселенной»: интегрированная идентичность, «наращивающая» палитру способов

жизнедеятельности, кочуя по миру и обмениваясь значимыми моментами жизни с другими людьми. Модусы такого сближения – отдаления обретают специфическое название: соприсутствия и включенность для кратковременных циклов взаимодействия (в том числе у номад) и близость – отчуждение для долговременных. Вместе с тем, цифровой номадизм есть важная альтернатива иному, более глобальному способу отчуждения: виртуальным отношениям и контактам: «Окруженные технологиями и меняющейся степенью неуверенности, партнеры по социуму находят друг друга, чтобы заключать крупные сделки за пределами электронных границ обмена, создавая рынок. Они объединяются в замкнутые социальные миры, чтобы с помощью друг друга и общего понимания того, «что происходит», двигать рычаги, управляющие миром» [16; 20, р. 194; 21]. При этом моменты соприсутствия, сотрудничества помогают людям поддерживать более-менее нормальную общественную жизнь, даже сквозь весьма значительные пространственно-временные и культурно-исторические «расстояния» [25; 26]. Путешествия обеспечивают человеку как социальному существу участие «в доступе к своей части социального наследия» [23, р.6]. Вместе с тем, номадизм – одно из проявлений детерриториализации [5; 25; 26], формирования и развития цивилизованных сообществ пост-паноптикума, организованных вокруг «текущей современности» [13], в которой даже самое частное не является больше полностью личным, также, как и не является больше национальным, связанным с определенной территорией и народом, их культурой. Поэтому сетевое общение и номадизм, а также повседневное «частое общение в Интернете – дополнение к частому личному общению, а не его замена» [37, р. 179].

Изначально цифровой номадизм имел локальный характер: номады были жителями мегаполисов, но с расширением беспроводных средств связи они есть практически повсеместно. Возможность постоянного передвижения и ненормированный рабочий график стимулирует мобильность «перекати-поля», а «подключенность» к мировой информационно-коммуникативной сети указывает на то, что идентичность «перекати-поля» также формируется на основе идеологии и ценностей этой сети [33]. Поскольку ее идеология и ценности не отличаются ни целостностью, ни постоянством, то базовые характеристики идентичности цифровых кочевников, как правило, рано или поздно нарушаются: субкультура цифровых номад как «умная толпа» также становится супер-мобильной. Таким образом, как образно пишут исследователи люди становятся «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости» [2; 33], люди сталкиваются с проблемой деиндивидуализации, присущей толпам, а,

значит, и лишаются того самого «ума» которыми явно или неявно гордятся многие номады.

Цифровое кочевничество – следствие и причина активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов идентичности (систем духовно-нравственных ориентаций, стратегий понимания себя и мира, моделей общения). В отдельных регионах цифровой номадизм выражен меньше, феномены седентаризма сочетаются с традиционными кочеваниями и миграции таким образом, который не нарушает целостности идентичности. В иных регионах, отказавшихся от традиционных ценностей «ради» глобализации и ее «вестернизированной» культуры «перекати-поля», седентаризм и миграции почти в равной мере приводят к фрагментации и разрушению идентичности: основа продуктивной и стабильной идентичности – духовно-нравственные ценности, деструктивная и нестабильная идентичность лишена стабильных духовно-нравственных опор, она мечется между «крепостью дома» и «беспределом улиц». Цифровой номадизм в этом контексте также может быть результатом метаний: сценарий традиционного вестерна предполагает бесконечный путь к лучшему, «своему», отказ от «чужого» как мешающего или вызывающего какие-либо затруднения и запреты. Духовно-нравственное, более чем что-либо, основано на запретах и создает «затруднения». Однако, его устойчивость и даже в отдаленных регионах мира, часто быстро нарушается, и, по прогнозам исследователей, геоклиматические, социально-политические, психологические и экономические изменения в мире (включая трудовую и семейную миграцию и интернационализацию бизнеса) должно стимулировать рост цифровых мигрантов –номад, рост номадических потоков и становление развернутой системы в разной мере глобальных информационно-коммуникационных «хабов» планеты [8; 9, с. 78-104, 126-149; 10; 12; 16]. Это способно изменить расстановки сил на рынка труда и брака, требования к организации жизни поселений в согласии с особенностями стиля жизни, духовно-нравственных ориентаций номад, специфическими видами («траекториями») мобильности, к организации и развитию мультикультурного взаимодействия в реальной, контактной среде и в виртуальной среде, посредством социальных сетей и коммуникативных платформ. При этом может возникнуть и уже местами возникает конфликт цифровых кочевников, перемещающихся в пределах одного-двух полисов и регионов, номад «глобальных», ищущих для себя и место для себя в самых «заповедных зонах» мира и поселенцев, привязанных к определенной территории и идентичности.

Если обратиться к общей теории мультикультурных отношений, исследователями отмечается, что «Принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы» [1, с.1]:

представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, которая идет параллельно с процессом рождения нового, «гибридного». Субъект мультикультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «между», «над схваткой», отражает диалектику оппозиций «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной группе людей, нации, религии, профессии и т.д. [7, с. 84]. Особенно трудно этот процесс протекает там, где нация и ее идентичность длительное время подвергалась масштабному игнорированию, существуя скорее как «инобытие», или «квазибытие», чем «самобытие». Формируется идентичность «лоскутная», лишенная нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования. Переживание преследования и связанное с ними «бегство» от реальности, себя (своего) или других (чужих), от реальных отношений с собой и миром, всегда было одним из симптомов идентичности «человека без корней». Напротив, человек с корнями, хотя и нуждается автономности, периодически пересматривает свою идентичности и принадлежность, реинтегрируясь в общество на тех или иных основаниях, направлен именно к реальности, к глубоким и разносторонним отношениям с собой и миром. Наличие таких отношение есть критерий его социально-психологического здоровья, отсутствие – критерий нарушений и проблем разной степени длительности и интенсивности.

Способы решения этого вопроса на уровне «цифровых номад» как индивидов и как членов группы отражают старый спор между «либералами» и «коммунитаристами» о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности. Либералы полагают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни: принцип примата личности над общиной предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то община не обладает правом препятствовать модификации или отказу от них. Коммунитаристы полагают, что личность «встроена» (embedded) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он – результат социальных практик. А приоритет личной свободы ведет к разрушению общества. В любом случае, оба этих потока присутствуют и отражаются в диалектике «глобализации» – «мультикультурализма» [11]

В борьбе разных групп за существование и развитие, как правило, выделяются ряд тенденций: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства, саморефлексия и индивидуализация,

признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность, эгалитаризм и властные амбиции групп [1]. Хотя для многих людей прекарнизация труда – скорее испытание и проблем, для кочевников прекарнизация – реальная возможность труда, удовлетворяющая их потребностям: введение прекарнизации для этой группы населения – позитивный момент, который снимает часть негативных оценок и вопросов к «перекати-полю». Напротив, для «оседлых» групп прекарнизация носит скорее негативный характер и воспринимается чаще всего как возможное дополнение к основной, гарантированной, работе (приработок). С. Бенхабиб обозначила ситуацию культурного плюрализма, поддерживающего, в частности, и феномен цифрового номадизма, термином радикальный, или мозаичный, «лоскутный», мультикультурализм, понимая под последним наличие в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Мозаичный или «лоскутный» мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации [4, с. 9, 43]. Это особенно важно потому, что современные виды миграции, как вынужденной, так и добровольной, как «цифровой», так и традиционной, могут рассматриваться как территориальная экспансия. «Захватнический» характер миграций цифровых номад кажется неочевидным, однако, создаваемые ими более или менее обширные миграционные потоки и взаимодействия культур, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот». Этот процесс весьма неоднозначен: подчас даже мелкие диаспоры часто разбиты на множество иных подгрупп, нередко имеющие не только особенности культур и языковых традиций, но и верований, не только отличных и имеющих сложные отношения с другими народностями. Что касается цифрового номадизма, то многие из представителей этой группы опираются исключительно на личную идентичность, сформированную в лоне родительской культуры, но отщепившуюся от культурной идентичности. Л.В. Русских [14, с.85] описывает мультикультурную политику как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст». Такой вариант адаптации цифровых номад в форме «сдержанной интеграции», подразумевает заботу о сохранении культуры «большинства» наряду с принятием новых культур – групп «меньшинств» в рамках формирования и укрепления общей региональной/гражданской/человеческой идентичности, препятствующей размыванию границ и традиций соответствующей культуры, переходу к полному бескультурью

с его отсутствием запретов и долженствований, налагаемых духовно-нравственными нормами культуры.

Кроме того, возникает вопрос типологизации цифровых номадов и «нетократии» как новой формы управления и социально-экономических отношений, в рамках которых главной ценностью являются не материальные, а информационные аспекты, а социальный и человеческий капитал важнее капитала материального и экономического [3; 37].

Результаты исследования. Таким образом, в результате теоретического анализа исследований номадизма можно выделить несколько основных типов цифровых кочевников:

1) «человек вселенной» или интегрированный тип, чья идентичность позитивна, целостна и сохранила связь с родной культурой, а также нацелена на установление связей с иными культурами и их представителями. Цифровое кочевничество воспринимается как фрагмент жизни, связанный с целями саморазвития в профессиональной и учебной, досуговой и семейной сферах. Кочевничество для них есть путешествие в страну смыслов и ценностей: к самому себе. Отношения, которые строят эти люди – отношения поиска, любви, сочетающие отношения личностной значимости и соприсутствия.

2) «амбивалентный» тип, чья идентичность маргинальна, двойственна и размыта, цифровой номадизм практикуется как способ уйти от решения личных и социальных проблем. Типичны ориентация на территориальную экспансию и поиск «удовольствий», отсутствия структурированного представления о целях собственного кочевничества, тенденция «жить по своим правилам», избегая обязанностей и ограничений повседневных обязательств. Кочевничество есть способ существования, позволяющий сочетать обременительные и необременительные аспекты жизни: минимизировать напряженность и увеличить «наслаждение» жизнью – путь к удовольствиям, в том числе «от» самого себя. Отношения таких людей в большей степени соприсутствие и включенность, чем отношения «личностной значимости».

3) «Лоскутный тип», чья идентичность «человека без корней» фрагментарна и негативна, человек неспособен к построению прочных и глубоких отношений ни с окружающими его людьми, ни с теми, кто когда-то в них пришел. Кочевничество выглядит как спорадическое перемещение «человека без корней», «перекати-поля» в направлении, определяемом жизненной ситуацией (внешними по отношению к личности аспектами). Кочевничество есть способ существования, позволяющий удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, путешествие как скрытый протест и несогласие с миром паноптикума – «против» самого себя и мира. Ведущий моду отношений – избегание: отношения отказа от близости в форме значимых отношений и

в форме соприсутствия («перманентное отсутствие» «вечного путешественника»)

В проведенном нами эмпирическом исследовании цифровых кочевников-психологов, занимающихся продажей различных психологических услуг (среди которых лидируют семинары и тренинги личностного роста и организационного развития), получено ряд интересных данных. Поскольку объем выборки был не очень большим (30 человек), а само исследование носило характер «свободного интервью», дополненного результатами наблюдений и обработанного методом контент-анализа, постольку основное внимание обращалось на качественные тенденции в развитии цифровых номад. Исследование осуществлено в 2010-2015 годах, все респонденты являлись «цифровыми» (виртуальными) собеседниками исследователя. Всем собеседникам предлагались соответствующие их профилю деятельности варианты сотрудничества, выделялись темы, которые интересуют «кочевников» в первую очередь, а также стратегии решения задач, требующих сотрудничества и установления реальных отношений (разбитые позже на подтемы, связанные с отношениями респондентов к психологическим, нравственным и правовым аспектам отношений человека и общества). Все респонденты поделены на три группы: «временно выбывшие в иную страну проживания – командированные» (10 человек), «эмигранты» – переехавшие в иную страну в режиме смены постоянного места жительства (20 человек); а также «номады» – кочующие по России и миру (10 человек) (табл. №1).

Как также показало исследование, ведущими модусами, структурирующими сознание (идентичность) «цифрового кочевника, являются свобода и зависимость, близость и отчуждение, труд и отдых, новизна и привычность, развитие и стагнация. Эти линии развития человека являются наиболее общими и позволяют типологизировать цифровых кочевников: зависимые, дезинтегрированные и свободные, интегрированные; включенные и отчужденные; строящие бизнес и развивающие профессионализм или странствующее-отдыхающие; стремящиеся к переживанию новизны или уставшие от нее и стремящиеся к покою» и стабильности («назад к корням»), стремящиеся к развитию или «зависающие» в неудовольствии от мира и, далее, от самих себя.

Таблица №1. Идентичность цифровых номад

Группы	Идентичность личностная /отношения с собой	Идентичность социальная /отношения с людьми
«Командированные»	Расщепленно-амбивалентная (двойной стандарт) внешне и внутренне конфликтная (проблемы в отношениях с окружающими, подстройка к новой культуре за счет разрушения связей старой), ассиметричная (разные требования и представления о себе и мире, в разных сферах)	Коллапсы систем отношений к себе и миру, личностная деструкция и деструкция отношений с миром, требующие столкновения с серьезными жизненными испытаниями для реинтеграции, страх вернуться в родную культуру и желание «диктовать свои правила» в ней
«Эмигранты»	«Отчужденно – изолированная», формирование капсулы, из которой субъект наблюдает мир и видит о мире, предъявляя людям тиражированный образ-маску, «ожидающая, жизнь в будущем» или «инкапсулированная – жизнь в прошлом» игнорирующая внутренние конфликты, связанные с расхождением маски и личности	Дистанцирование и стратегия руководства, отказ от стратегий взаимодействия «на равных», непонимание других людей и отсутствие глубоких и широких «сетей» значимых отношений, формирование подвижных и поверхностных, в разной мере широких отношений с миром
«Номады»	Фрагментарно-лоскутная (множественная), части которой – в разной мере ассимилированный опыт жизни в разных культурах, внутренне конфликтная, отражающее стремление «диктовать свои правила» наряду с «полным пониманием себя и мира», нестабильно-изменяемая, готовность и стремление меняться без оформленного направления	Стремление к широким, но неглубоким отношениям наряду с сохранением немногочисленных глубоких отношений, разрывы и конфликты отношений: предательство как отказ от себя и значимых других, потребность поддерживать минимальный уровень сотрудничества во избежание тотального коллапса

Заключение. Подводя итог, подчеркнем: цифровое кочевничество многотипно. Это и «цифровое беженство», используемое человеком чтобы уйти из мира обязательств и травм; это и «цифровой туризм», используемый в целях структурирования времени и пространства жизнедеятельности; это и просто – «путешествие» – в мир иных смыслов, за сами собой и гармонией своего мира. Это и «цифровые захваты» новых территорий: не случайна тяга «кочевников к местам, где «не ступала нога человека» и местам, «похожим на рай» [3; 17].

Одним из наиболее сложных моментов цифрового кочевничества является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, стремления к свободе как комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей (табл. №2). Эти стремления формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности первой страдает этнокультурная, а затем и личностная идентичность.

Таблица №2. Тенденции развития идентичности цифровых кочевников

Группы	Психологические законы	Правовые законы	Нравственные законы
«Командированные»	Самоисследование в новой среде, попытки пересмотра своей жизни, претензии к миру и «обращение», конфликты в отношениях с представителями своей культуры	Освоение новых законов без их понимания, «пробные» попытки осмысления внешнего мира, конфликты с законом как отражение конфликтов культур и конфликтов интенций субъекта – измениться и выделиться и принадлежать и соответствовать Попытка поддержать чувства значимости, уникальности и нужности правовыми средствами	Нравственные коллизии, попытки перевести нравственные и психологические проблемы на язык правовых законов страны пребывания, исходя из знаний о правовых законах собственной страны
«Эмигранты»	Стремление к интеграции реализуется не полностью, перенятие моделей отношений к себе и миру без рефлексии проблем, возникающих внутри личности в ее отношениях с представителями своей культуры	Освоение новых законов и попытка их перенесения на старые отношения с собой и миром, стремление закрепить правовые аспекты жизни как гарантии стабильности, неудовлетворенность правовыми рамками и гарантиями. Попытка компенсировать и решить проблемы переживаний значимости, уникальности и нужности за чет формализации отношений к себе и миру	Аномия нравственная, отказ от нравственных регулятивов отношений как вторичных по отношению к правовым и психологическим законам Забвение Бога и сосредоточение на повседневных вопросах, бизнесе
«Номады»	Сравнение и исследование моделей отношений к миру и себе, попытки выделить общее и подходящее себе, конфликты ситуативные, обозначающие неадекватность новых типов отношений в контексте связей с представителями родной культуры	Правовой нигилизм при внешнем согласии и стремлении соответствовать требованиям страны пребывания, наряду с экспансией собственных правовых, нравственных и психологических «законов» (вплоть до навязывания и утверждения-диктата «своих правил»)	Нравственный поиск, попытки встроить нравственные законы в психологические и правовые законы бизнеса и иных отношений. Попытка решить проблему соотношения общечеловеческих и индивидуальных ценностей, ощущение нестроенности. Поиск «своей» группы и системы отношений Попытка гармонизировать чувства значимости, уникальности и нужности, опираясь на Бога

В результате мобильности образа жизни у многих цифровых кочевников, по мнению исследователей, размываются или даже стираются границы определенной культурной, религиозной и национальной идентичности, переосмысливаются такие основные понятия как «родина», «государство», «семья», снижается территориальная зависимость человека от места его проживания, большее значение начинает иметь время, «подгоняющее» человека [6, с. 617]. Дж. Питерс отмечает, например, что типичный цифровой кочевник практически отвергает «мечту о родине», но, будучи существом кочевым и мобильным, используя цифровые и иные технологии миграций, он может находиться в любом уголке мира, который ему нужен и интересен, в противовес «серой действительности» повседневных будней обычных людей [36]. Для цифрового кочевника, т.о., изначально типично маргинальное положение и маргинальная идентичности. Ведущее влияние

на становление современного номадизма сыграло появление и развитие Интернета, появление мобильных и цифровых технологий и распространение беспроводных коммуникаций, которые позволили людям освободиться от привязанности к определенному месту, поддерживать необходимые коммуникативные связи, общаясь с людьми по всему миру, работать на компании, расположенные в разных частях мира. При этом, однако, они обрели «цифровой дом»: ведущей характеристикой кочевничества помимо мобильности является постоянная подключенность к сети Интернет. Поэтому многие исследователи, например, Л. Фортунати применяет термин «кочевой близости», через который описывает, как люди в общественных местах предпочтительней используют мобильные телефоны, чтобы взаимодействовать с людьми, которых они уже знают, чем устанавливать новые контакты с незнакомыми людьми, которые находятся в физической близости [28]. Пространственно-временные и социальные изменения способствуют конструированию новой идентичности и самопрезентации личности. Однако, до какого то момента. Однако, современный кочевник — это обязательно путешественник, им может быть человек, который не покидает своего места жительства. Главное- связь с этим виртуальным пространством. Таким образом, мобильность кочевников может быть, как виртуальной (в пространстве сети Интернет), так и глобальной (телесное перемещение). В какой-то момент, что в процессе передвижения по миру у цифровых кочевников формируется, однако, избирательное отношение к миру, меняется миропонимание и самопонимание, изменяется баланс между ними, гармония между осознанием своих субъективных качеств и тех требований, которые предъявляются к нему в каждой точке пространства и времени, проявляется новая внутренняя активность по соотношению и сравнению: ценности и модели отношений того или иного сообщества, культуры сравниваются со своими собственными ценностями и моделями отношений. Однако, личность не может вести постоянно кочевой образ жизни, без ущерба для себя: потребности в самоактуализации, в привязанности и принадлежности к конкретной социальной группе, требуют этого.

References:

- [1] Arpentieva M. R. Problems of mutual understanding in multicultural counseling // Representative power of the XXI century. 2014. No. 7-8 P. 59-65.
- [2] Bard, A., J. Soderkvist *Нетократия. The new ruling elite and life after capitalism* / Translated from the Swedish language. SPb.: Stockholm school of Economics in Saint-Petersburg, 2004. 252 p.
- [3] Bauman Z. *Individualized society*. M.: Logos, 2005. 390p.
- [4] Benhabib S. *the claims of culture*. Moscow: Logos, 2003. P. 9, 31.

- [5] Burlutskaya M. G., Kharchenko V. S. the Freelancers: the specificity of social status, career strategy and professional development // Journal of sociology and social anthropology. 2013. T. 16. No. 1. P. 111-123.
- [6] Deleuze, G., Guattari, F. a Thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya, M.: Astrel, 2000. 895 p.
- [7] Kasavin I. T. "Person traveling": ontology path and area // Questions of philosophy. 1997. No. 2. P. 84.
- [8] Kuzheleva-Sagan I. P. Society-Network. The evolution of views: concepts, images, metaphors// Wolkenkuckucksheim. Castle in the air. International journal of architectural theory. 2014. No. 32 (19). P. 29-42.
- [9] Le Coadic R. Multiculturalism // Débats sur l'identité et le multiculturalisme / Ed. ed. by E. Filippov and R. Le Coadic. Moscow: IEA ran, Nauka, 2005. P. 78-104, 126-149.
- [10] Minigalieva M. R. Tolerance and multiculturalism. Kaluga state University named. K. E. Tsiolkovsky, 2012. 332 p.
- [11] The world through the eyes of blogger / Ed. by V. Trofimov. M.: Publishing house "Veche", 2011. 240S.
- [12] Nosova S. S., Kuzheleva-Sagan I. P. the Youth in the network information-communication society: international approaches to studying problems // Siberian psychological journal. -2013. No. 49. P. 85-96.
- [13] Pink, D. A Nation of free agents. M: The secret of the company, 2005.
- [14] Russkih L. V. Main directions of the policy of multiculturalism in Russia // Bulletin of South Ural state University. Ser. Soc.-guman. science. 2014.- No. 2. S. 85-89.
- [15] Strebkov, D. O., Shevchuk A.V., Spirin O. M. the development of the Russian market of remote work, 2009-2014 (according to the Census, freelancers) / Ed. ed. ser. V. V. Radaev. M.: Izd. house of the Higher school of Economics, 2015. 226c.
- [16] Tolkachev S. P. Multiculturalism in a post-colonial space and cross-cultural English literature // IGP "Knowledge. Understanding. The ability to". 2013. No. 1. 1.
- [17] Aguinis H., Lawal S.O. eLancing: A Review and Research Agenda for Bridging the Science-Practice Gap // Human Resource Management Review. 2013. -Vol. 23. Iss. 1. P. 6-17.
- [18] Barley S.R., Kunda G. Contracting: A New Form of Professional Practice // The Academy of Management Perspectives. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 45-66.
- [19] Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, UK : Polity, 2000. 224p.
- [20] Boden D. Worlds in action: information, instantaneity and global futures trading // B. Adam, B., Beck U., van Loon J. (eds). The Risk Society and Beyond. London: SagePublications Ltd, 2000. 240 p.

- [21]Boden D., Molotch H. The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity / R. Friedland, D. Boden (eds). Berkeley: University of California Press,1994. P. 257–286.
- [22]Bogard W. Simmel in cyberspace // Space and Culture. 2000. №4/5. P. 23-46.
- [23]Citizenship and Social Class / Marshall T., Bottomore T. (eds.). London: Pluto, 1992. 101p.
- [24]Cohen I. Detached involvement: on the sociology of solitude // Annual Conference of the Amer. Sociological Ass., Washington. August, 2000. Washington: DC, 2000. –P.3-12.
- [25]Cohen R. Global Diasporas. London: University College London, 1997. 241p. P. 129–134.
- [26]Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine / Trans, by B. Massumi. New York:Semiotext(e), 1986. 160p.
- [27]Fernández V.A. Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización. Murcia: Universidad de Murcia, EDITUM, 2010. 160s.
- [28]Fortunati, L. The mobile phone: Towards new categories and social relations. Information,Communication & Society, 2002. – 220p.
- [29]Gussekkloo A., Jacobs E. Digital Nomads. N.-Y.: Location-Independent Pub., 2016. 280p.
- [30]Horton J. Online Labor Markets // Internet and Network Economics / A. Saberi (ed.). -Vol. 6484. Berlin; Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2010. P. 515–522.
- [31]Howe N., Strauss W. Generations. N.Y.: Quill William Morrow, 1991. 544 p.
- [32]Leung M.D. Dilettante or Renaissance Person? How the Order of Job Experiences Aff ects Hiring in an External Labor Market // American Sociological Review. -2014. Vol. 79. No. 1. P. 136–158.
- [33]Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley, 1997. 256p.
- [34]McLuhan M. Understanding Media. New York: Routledge Classics, Abingdon, 1964 (2001). P. 309, 391.
- [35]Osnowitz D. Managing Time in Domestic Space Home-Based Contractors and Household Work // Gender & Society. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 83–103.
- [36]Peters J.D. Exile, nomadism, and diaspora // Home, exile, homeland: film, media, and the politics of place / H. Naficy (ed.). New York: Routledge, 1999. P.17-41
- [37]Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. -544p.